

2. Манн, М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание / М. Манн // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М.: Праксис, 2002.

ПРИВАТИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.Н. Сидоренко, г. Минск, Беларусь

Происходящие сегодня процессы глобализации масштабны: они претендуют на создание и реализацию новых мироустроительных идей, касающихся не просто отдельных стран и регионов, но планеты в целом. Этот размах ощущается как в идеологических и политических доктринах правящих элит развитых стран, так и в принципах экономического планирования, в мощной научно-технической направленности общественного развития. Так, глобализация как современное переустройство мира приобретает все более четкие черты. По мнению современного аналитика А.С. Панарина глобализацию можно определить как «процесс ослабления традиционных территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров, некогда изолировавших народы друг от друга и наряду с этим предохраняющих их от неупорядоченных внешних воздействий, и становление новой, «беспротекционистской» системы международного взаимодействия и взаимозависимости» [1, с. 279]. В результате глобализационных процессов происходит размывание традиционного разграничения «полномочий» государства и бизнеса в вопросах обеспечения национальной безопасности с одной стороны и частной с другой, что приводит к формированию своеобразной «идеологии насилия», оправдывающей ослабление власти национальных государств и усиление глобальных институтов, договоров международной торговли. Неолиберализация мирового рынка уже не берет в расчет национальное государство с его функцией «ночного сторожа» и стремлением сохранить монополию на насилие, а международное право, не привязанное к политике государств и распространяющееся на мир в целом в порядке частного права, не требует санкционирования со стороны государства. Вследствие этого радикальной формой неолиберализации становится «приватизация насилия», проявляющаяся в том, что правительства утрачивают монополию на средства насилия.

Можно выделить несколько векторов в осуществлении приватизации насилия и ее последствий. Во-первых, размывание границ наций-государств и утрата ими монополии на средства насилия привело к радикальному изменению состава акторов, претендующих на роль влиятельных субъектов мировой политики. Такими субъектами стали наднациональные международные организации, союзы, блоки, ассоциации, транснациональные банки и промышленные корпорации, не признающие государственного суверенитета, действующие одновременно

во многих странах и приобретающие там экономическую власть. Как результат приватизации насилия происходит и легализация наемной силы: на геополитическую авансцену выходят самостоятельные военизированные структуры, не связанные с конкретными национальными государствами и представляющие собой теневые транснациональные сообщества, способные оказывать существенное влияние на мировое развитие. Все это в свою очередь приводит к тому, что параллельно с основными геополитическими игроками формируется анонимный субъект мировой политики. В силу этого возникает проблема определения конкретного, обозримого и прогнозируемого источника угрозы национальной безопасности.

Во-вторых, приватизация насилия осуществляется в пространстве «рынков насилия» или «рынков гражданской войны», где определяются или согласовываются цены на приобретение и использование приватизированной силы, а также распределяются прибыли. Этот своеобразный «рынок насилия» порождает разные типы кризисов в организации и использовании силы. В полной мере он осуществляется там, где еще или уже не существуют государственные структуры. Феномен «не насильственного сопротивления», проявившийся в череде так называемых «цветных революций» является обратной стороной «рынка насилия».

В-третьих, приватизация насилия является следствием трансформации современной социальной реальности, ее дробления и фрагментаризации. Фрагментарность реальности можно выразить в следующем: парадоксальное сочетание реального и виртуального; размывание центра и периферии; утрата целостного образа реальности, индивидуализированность множества субъективных конструкций реальности. Фрагментарная реальность современного общества предполагает новые формы общественной коммуникации, такие как информационные сети. Сеть развивается стремительно, переходя от локальных пространств к глобальным, ее цифровой код утрачивает роль средства, постепенно преобразовываясь в цель. Основным отличием новых сетевых структур современного общества от традиционных является качественно иной «способ их организации». Развитие телекоммуникационных технологий привело к тому, что в XXI в. доминировать стали не локальные информационные обмены, а удаленные и опосредованные контакты, контакты, осуществляющиеся в распределенной коммуникационной среде. Новая архитектура социального пространства стала развиваться в так называемом «сетевом поле». Являясь единым информационным множеством, в котором информация распространяется мгновенно между всеми акторами, поле предстает в качестве среды, позволяющей социальным классам группироваться и перегруппироваться, а социальным институтам формироваться или

переформироваться. Фрагментарная реальность порождает и новые формы противостояния, такие как сетецентрическая или сетевая война, которая ведётся путём осуществления главным образом бесконтактных действий посредством использования мощного информационно-технического и информационно-консциентального потенциала, сведённого в одном пространстве – сети. Решающее значение в сетецентрической войне имеет, следовательно, не физическая, а информационная сфера. Главным действующим лицом на поле боя в сетецентрической войне может стать оператор компьютера, дистанционно управляющий «умными» машинами. При этом самым привлекательным оружием кибер-атак в ходе сетецентрической войны выступает зашифрованная информация, передаваемая по открытым каналам связи (например, в социальных сетях интернета). Сетецентрическая война существенно меняет тактику вооружённого противоборства, способствуя превращению противников в скрытые друг от друга мобильные высокоманевренные системы, действующие по принципу «стаи».

В-четвертых, приватизация насилия сделала возможным возникновение и осуществление такого нового типа войны как «постнациональная война», характеризующаяся размыванием базовых различий, которые были определяющими в войнах между государствами. Как справедливо отметил У. Бек, раскрывая сущность постнациональной войны, «на смену принципу «или-или» приходит принцип «и одно, и другое»: одновременно имеют место и война, и мир; действуют как полиция, так и военные; происходят как преступления, так и боевые действия; страдают как гражданские лица, так и солдаты» [2, с. 202]. Постнациональная война проявляется через два феномена: защита прав человека на зарубежной территории и попытка свести к минимуму глобальный риск терроризма за счет военных средств государств. Таким образом, постнациональная война не ведется в национальных интересах, напротив, она снимает ограничение ответственности государств национальной территорией, превращаясь в своеобразные «мировые полицейские войны». Так, постнациональная война стала продолжением постнациональной политики военизированного гуманизма. В силу этого постнациональная война служит средством камуфлирования незаконной войны, оправданием агрессии.

Французский социолог Г. Бутуль в свое время выдвинул гипотезу о наличии некоего неуничтожимого «импульса войны», который будучи уничтожен в одном месте, заново проявляется в другом. Если это утверждение расширить и применить не только к географическому, но и к социальному пространству, то можно предположить, что осуществляемая в настоящее время приватизация насилия есть следствие того, что исходящие ранее «импульсы насилия» исключительно от государств,

теперь генерируются избранными слоями/секторами социума, способными за них заплатить. Приватизация насилия, перевод контроля над ним в рамки рыночных отношений смещает баланс в распределении безопасности в обществе и снижает способность государства осуществлять прямой контроль над насилием. Вместе с тем снимается вопрос и об оправданности насилия, он заменяется вопросом о стоимости частных военных услуг.

Литература:

1. Панарин, А. С. Россия в циклах мировой истории / А.С. Панарин. – М.: Изд-во МГУ, 1999.
2. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В.Э. Смирнов, г. Минск, Беларусь

Социальные инновации являются одним из механизмов, посредством которых совершаются и закрепляются социальные изменения. В настоящее время они представляют собой, модифицируя определение С.А.Шавеля, процесс рациональных, целенаправленных, управляемых изменений, направленных на системное, целостное обновление общества, его отдельных сфер и институтов через преобразование и рационализацию сложившихся повседневных практик и схем отношений между людьми (группами, классами, общностями), то есть социальных институтов.

Однако так было не всегда. Тысячелетиями, пока господствовало, так называемое, традиционное общество, социальные изменения происходили не как социальные инновации в указанном смысле, а с помощью постепенной легитимации сначала запретных, затем допустимых, далее приемлемых и, в конце концов, новых одобряемых практик. В процессе хабиутализации, а затем и сигнификации этих практик происходила их институционализация. Только в Новое время, когда темп изменений общественного производства существенно вырос, а основой легитимации новых норм поведения сделалась наука, социальные изменения в обществе все чаще стали происходить в виде инноваций - рациональных, осознанных и целенаправленных проектов, направленных на изменение определенных социальных практик и институтов. Социальные инновации как механизм реформирования и конструирования социальных институтов общества вышли в это время на первый план, что сопровождалось пониманием того, что именно люди в своей практической деятельности создают и воспроизводят социальные институты.

Несмотря на различные попытки показать естественность возникновения социальных институтов, К. Маркс впервые ясно